

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002 >

РОМАН №13 ГАЗЕТА

Евгений Таганов / О личной жизни забыть

ТАГАНОВ Евгений Иванович

Родился в 1954 году в г. Фурманове, Ивановской обл. Окончил Литинститут им. А. М. Горького и Высшие курсы сценаристов и режиссеров. Член Союза российских писателей, Союза театральных деятелей Беларуси, Союза кинематографистов Беларуси.

Первая книга сборник рассказов «Тропа» (1985). Автор романов «Слово о Сафари» (1999), «Рыбья Кровь» (2008), «Рыбья Кровь и Княжна» (2010), «Слово о Сафари» (2018), «Морской князь» (2015), «О личной жизни забыть» (2017), сборника пьес «Адель и другие» (2014).

Был главным редактором киностудии «Беларусьфильм». С 2003 года по настоящее время — главный редактор киностудии «Фаворит-Фильм». Живет в Москве.

Э тот адрес — Большая Татарская, 29 — уже третий в жизни Русского Духовного театра, знаком нескольким поколениям москвичей. Больше тридцати лет идут сюда зрители семьями с детьми, уверенно ожидая встречи с добротным, в традициях великой щепкинской школы, театральным действием.

Театр «Глас» начал свою жизнь с гоголевского «Светлого Воскресения». Гоголь, Лермонтов, Гнедич, Сологуб, Достоевский, К. Леонтьев, Чехов — весь Золотой XIX век русской прозы широко и звонко прозвучал в исполнении музыкально и пластически одарённой труппы.

ЗВУЧАЩЕЕ РУССКОЕ СЛОВО

К 80-ЛЕТИЮ ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ ИСКУССТВ РФ
НИКИТЫ СЕРГЕЕВИЧА АСТАХОВА

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2023
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2023 №13 /1930/ Основана в 1927 г.

Евгений Таганов

О личной жизни забыть

Роман

Часть первая

1

«Я, Ирина Васильевна Копылова, обязуюсь до совершеннолетия своего сына Александра никогда не говорить с ним на русском языке, а также никаким другим способом не сообщать ему о его истинной национальности и месте рождения...»

Все так! Именно так! Абсолютно так!

Она смотрит на спину упаковывающего вещи мужа, а сама едва удерживает возле себя годовалого Саньку, чтобы он не лез помогать папе.

Выходила замуж за дипломата, а вышла за шпиона.

У Сержа не затылок, а настоящий радар. Уже оглядывается с готовым ответом на ее произнесенный вопрос.

— Ты же знаешь, это было обязательное условие его с собой брать.

Конечно, она это знает. Но Санек еще совсем кроха. А если по дороге элементарно простудится? Лететь-то через страны и континенты. Сейчас ответит и на это, он же чертова смесь телепата с экстрасенсом. И точно — снова поднимает свой резной ястребиный лик и безмятежно роняет:

— А я уверен, что он за всю дорогу ни разу и не чихнет.

Хочется крикнуть ему, что четырнадцать часов перелета через океан это не его спецназовские пробежки по тридцать километров. Ей-то не знать, сколько раз в детстве с родителями моталась из Москвы в Гавану и обратно.

— Не чихнешь же, правда, Александр Сергеевич? — обращается он к малышу.

Тот лишь широко ему улыбается и начинает уюкать и вырываться, желая попасть в отцовские руки.

— К папе нельзя. Папа еще не все свои шпионские прибабасы уложил, — успокаивает сына Ирина.

Сергей смотрит неодобрительно.

— Ты точно где-нибудь так и выдашь стране угля.

А за окном между тем один из последних советских триумфов — Олимпиада 1980 года. Москва на добрую четверть опустела, всех неугодных и сомнительных на

три недели под разными предложениями выселили из столицы, зато те, кто остался, сполна получают свою порцию возбуждения, азарта и новых впечатлений.

Квартира Копыловых служебная, казенной является и ее мебель, а это означает, что на особый комфортабельный домашний прием здесь не мог рассчитывать ни один гость. Впрочем, гостей у Копыловых за три месяца обитания в этой московской хрущевке с румынской стенкой и югославским мягким гарнитуром не было ни разу. Да они сами здесь как инопланетяне. Вон по цветному «Горизонту» всюду соревнуются легкоатлеты, а они, оба страстных любителя спорта, никак не могут, даже если захотят, сосредоточить на них свои взгляды и понять, что там происходит.

Все объяснялось просто: супруги Копыловы вместе со своим чадом готовились к выезду за границу, где должны были дважды сменить свою фамилию сначала на Рубио, а затем на Гонсалесов и, проделав тщательно разработанный маршрут через Испанию и Аргентину, осесть в самом спокойном и цивилизованном месте Центральной Америки — Коста-Рике.

— Ну что, Санечка, мой Санек, последний раз называю тебя Саней, а дальше ты у меня только Александро, друг Санчо, — приговаривала Исабель Гонсалес, она же Ирина Копылова.

Ее благоверный Карлос, оставаясь пока еще в миру Сергеем Копыловым, снова застриг сверхчувствительными ушами.

— Можно еще Алексом. Они там уже все давно прогнулись под янки. Будет нормально.

— И вырастешь ты тогда таким же хулиганом, как Алекс из «Заводного апельсина». — Сердитая спина мужа послужила ей красноречивым ответом.

Так все-таки промахнулась она или нет, выйдя за этого владимирского мачо замуж? Ведь вся их поездка, в самом деле, с ее «категорического одобрения».

Из МГИМО ведь попадали не только в посольства, но и в журналисты-международники, в аппарат ЦК, даже в председатели немецкого колхоза в Казахстане.

Проторен путь был и на ТВ с Радиокomiteетом. Серж же выбрал то, что выбрал: дополнительную подготовку в разведшколе. А все благодаря его исключительному музыкальному слуху, позволявшему ему в произношении испанских слов ничем не отличаться от природных носителей языка. Даже у нее, у Ирины, шесть лет проучившейся в кубинской школе для детей фиделевской номенклатуры, и то бывают огрехи в языке. Как-то кстати пришлось ко двору и ее собственное образование программиста ЭВМ. Разумеется, до американских компьютеров ей как до Луны, но принцип действия у этого «железа» все равно один и тот же, поэтому и она там сможет на что-то сойти, решили там, наверху. Вот так и подобрались они: шерочка с машерочкой для бесконечно долгого нелегального пребывания в Новом Свете. А подразню-ка я его еще разок!

— Как ты думаешь, насколько все же мы туда едем?

— На семнадцать лет.

Точность ответа ее озадачила.

— Ты раньше этого не говорил.

— Сама же обозначила срок в своей расписке: до совершеннолетия Алекса.

А ведь верно. И вдруг ее кольнуло в самое сердце с неожиданного бока. Она представила своего уже выросшего «там» сына, которому придется сообщить, что он не только уроженец, но и верный патриот Империи Зла. Об этом ей как-то прежде не приходилось задумываться. Ой-ля-ля! Что же это такое будет?!

2

То ли слишком их хорошо готовили, то ли «ангел им был в дороге», то ли все таможенники и пограничники повсюду отмечали День Доверия, но весь их кружной самолетный путь прошел без сучка и задоринки. В Мадриде молодую семью встречало тропическое солнце, в Буэнос-Айресе пасмурный зимний дождь, а в Сан-Хосе легкий ветер, быстро переросший в замечательный тайфун, отвлекший всеобщее внимание от бледнокожих «аргентинцев».

Оглядевшись с недельку по сторонам, Карлос открыл мастерскую по дизайну апартаментов, благо, что кроме липового аргентинского диплома по этому делу у него имелся свой отменный вкус, детская изостудия за плечами и опыт работы маляром-штукатуром в студенческие годы. Однако, как оказалось, кругом было немало других умельцев-отделочников, поэтому на объявления в газетах пришлось истратить почти все их подъемные деньги, прежде чем в проеме крошечного офиса мастера Гонсалеса нарисовался первый клиент.

С трудоустройством Исабель вышло еще сложнее. Наняв для Алекса няню-мулатку, она попыталась устроиться делопроизводителем. Но все закончилось парой увесистых оплеух чересчур любезным боссом, и сеньора Гонсалес превратилась в стационарную домохозяйку. Так мужу и сказала:

— Обеспечивай давай нам с сыном райскую жизнь, а мы тебя за это еще и пилить будем.

— Мы с тобой еще и армейское подразделение, — отвечал ей на это муж. — А в армейском подразделении главный враг — это праздность. Стало быть, мне все равно необходимо загружать тебя простой солдатской службой по темечко.

И он загружал: заставил проштудировать три книги по бухучету, купил ей самый простенький компьютер и каждый день приносил стопки местных газет, по которым обязал Исабель составлять картотеку на всех окружающих политиков и общественных деятелей.

— А ты чем тогда будешь заниматься? — пробовала она возражать.

— А мой долг как настоящего альфа-льва лежать в гамаке, ковыряться в носу и мал-мало думать.

Разумеется, никакого такого валяжного гамака у Карлоса и близко не было. Кроме потогонной официальной работы существовала еще тотальная настороженность, которую все время приходилось

скрывать, и необходимость постоянно совершенствовать свою шпионистость: наблюдать, анализировать, делать выводы. Тот тренаж, что он прошел в разведшколе, помогал лишь отчасти, во многом приходилось действовать по наитию. Один вопрос, до какой степени нужно вливаться в окружающее общество, чего стоил. И где та грань между заискиванием и напыщенной независимостью с окружающими? И насколько можно впускать чужаков в собственный дом? А как оградить себя от назойливого панибратства коллег и знакомых?

Неожиданностью было обнаружить в местной среде обитания некий карантин, когда должно было пройти какое-то время, чтобы окружающие хоть чуть-чуть приняли их в свой круг, привыкнув к некоторым странностям «аргентинской четы».

— Здесь, кроме самого дешевого чтива, никто ничего не читает, — жаловалась Исабель. — Кажется, такая мелочь, а безумно раздражает.

— А как они умудряются еще и на балет не ходить?! И в филармонию ни ногой! — посмеивался над ее претензиями муж. — Если будешь на этом заикливаться, станешь совсем немотоу. Давай просто выше ценить то, что есть. Будем костариканцами больше чем сами костариканцы.

Сильнее же всего их донимала жара, пока они не научились бороться с ней с помощью обыкновенного будильника. Если вставать не в восемь, а в шесть каждое утро, то до первой волны обжигающего воздуха можно было успеть сделать массу вещей. Точно так же, если пораньше выползть и после полуденной сиесты. От ночной же духоты спасались, ставя возле постели тазик с водой и каждые два-три часа смачивая в ней простыню, которой укрывались.

Зато заблокировав в своем сознании подобный негатив, они обнаружили вокруг немало замечательных вещей. Треть территории этого тропического государства величиной с Эстонию составляли редкой красоты природные объекты: вулканы-трехтысячники, белопесчаные морские пляжи двух океанов, национальные парки, водопады и реки. И подобно петербургским семьям, у которых за правило каждые выходные посещать музей или выставку, Гонсалесы приспособились каждый уик-энд посвящать побережью, потухшему вулкану или крокодиловой ферме.

Не меньшим увлечением для Карлоса явилась и сама его легальная работа, где тоже редко встречалось однообразие. Первое время он, правда, хватался за что угодно, не чурался даже сам брать в руки мастерок и электродрель, однако вскоре статус кустаря-одиночки стал его тяготить и захотелось перейти в другую предпринимательскую категорию.

Дизайнерская отделка жилья в то время в Сан-Хосе выглядела чем-то почти неприличным: приходит чужой дядя и предписывает, в каком именно антураже тебе нужно жить. Гораздо достойнее считалось проявить свое собственное представление о начинке семейных гостиных и спален. Поэтому все усилия Карлоса привить эстетическое чувство малообразованным заказчикам долго не имели успеха.

— А может, не надо стараться их в этом переубеждать? — пыталась образумить супруга Исабель.

— Извини, но лозунг «Чего изволите» не для меня, — упрямо отмахивался альфа-лев.

И, отработав первых полгода вровень с другими мастеровыми, он сделал ход конем: купил участок земли с каменной развалюхой, в которой никто не жил уже лет двадцать. Засучив рукава, Гонсалес с одним наемным работником в два месяца навел в доме такой дизайн, что пять фото его внутреннего убранства были напечатаны в мексиканском архитектурном журнале. Для строителей-отделочников столицы Коста-Рики это явилось настоящим событием.

— Когда делаешь для себя, всегда стараешься, — смущенно объяснял Карлос сей успех коллегам, пришедшим посмотреть, как все выглядит в натуре.

Впрочем, в «дом для себя» Гонсалесы так и не переехали. Богатый владелец кофейных плантаций предложил за него хорошую цену, и Карлос якобы с тяжелым вздохом продал «свое несостоявшееся фамильное гнездышко».

Прошел еще год, и в Сан-Хосе умер глава небольшой строительной фирмы, а его вдова предложила мастеру Гонсалесу войти в их фирму полноправным компаньоном. Карлос ломался недолго: прихватил свой компьютер и чертежную доску и перешел в офис сеньоры Селии. Понаблюдав месяц-другой, как он обращается с ее работниками и клиентами, сеньора немного поубавила своей женской подозрительности и мнительности и скоро уже следила лишь за финансовым приходом и расходом, совсем не вмешиваясь в само производство.

Как и Карлос, сеньора Селия бралась за любые строительные работы, перебегая дорогу другим мелким подрядчикам. И как-то под хорошее настроение «хозяйки» компаньон выдал ей на-гора новый бизнес-план.

— Сеньора Селия, мне кажется, выполнять заказы бедных людей — вещь неблагодарная. В этом нет и никогда не будет никакого развития. Тем более что при малейшем кризисе бедный человек всегда сразу забывает о новом доме и думает о более насущных расходах. Богатый же человек никогда так не разорится, чтобы прервать строительство своей виллы.

Три дня думала «хозяйка», прежде чем сказать:

— А попробуй делать, как считаешь нужным.

И отличник МГИМО по научному коммунизму принялся прямо с порога их офиса заворачивать любого клиента, зарабатывающего меньше пяти тысяч долларов в месяц, в фирмы своих бывших конкурентов, за что имел от них отдельный поклон и благодарность. Сделал упор на богатых клиентах. Ничего не навязывая, просто предоставлял им три-четыре эскиза их будущего внутреннего домашнего убранства, так что те порой долго не могли выбрать что-то определенное, настолько были хороши все варианты. Особенным успехом пользовались его парадные гостиные в древнеегипетском и древнеримском стиле.

Более того, к концу выполнения заказа Карлос со своим клиентом, как правило, становились хороши-

ми приятелями. То, чему его успешно научили в разведшколе: искренне интересоваться своим собеседником и хорошо запоминать его взгляды и высказывания принесло свои увесистые плоды. Да и позже не забывал названивать этим «знакомцам» просто так, умело находя какой-либо приятный повод.

Сан-Хосе город небольшой, и скоро слава о гиперобходительном доне Карлосе достигала любого, кто собирался строить себе фешенебельное гнездышко. Количество заказчиков постоянно росло, однако не сказать, что семимильными шагами. Главной помехой являлось то, что трудно было среди беззаботных латиносов найти работников, умеющих работать с немецкой тщательностью, как того требовала установка мастера Гонсалеса на передовые технологии. Ему нередко приходилось сокрушенно разводить руками перед очередным заказчиком:

— К сожалению, должным образом мы пока это выполнить не можем. Качество работ для нас гораздо важнее их количества. Лучшие мастера сейчас заняты на другом объекте. Или чуть подождите, или я вам порекомендую другую фирму, которая сделает вам это почти так же хорошо и быстро.

Новый клиент предпочитал «чуть подождать».

3

А что же маленький Алекс? К счастью, главные опасения супругов Гонсалесов, что с возрастом он станет таким же русопытым, коренастым и курносым, как многочисленная смоленская родня Исабель, не оправдались, и своей внешностью Алекс пошел в отца: был такой же сухопарый, темно-русый и прямоносый, что позволяло его легко выдать за потомка кастильских идалго. Однако владимирские гены все же давали себя знать, и в шесть лет с Гонсалесом-младшим случился сильнейший солнечный удар, после которого он две недели провел в клинике. Приговор врачей о смертельной опасности для малыша тропических солнечных лучей стал для Алекса отправной жизненной точкой: не столько родители, сколько он сам теперь заботился о своей безопасности, помнил о необходимости головного убора и о том, чтобы даже в бейсбольной кепке не оставаться в сиесту на солнце дольше тридцати минут.

Ради сына Гонсалесы из гористого Сан-Хосе переехали в город Лимон на атлантическом побережье, едва ли не самое дождливое место во всей Центральной Америке, где солнечной активности было заметно поменьше. Здесь Карлос открыл уже свою собственную строительную фирму с Исабель в качестве главного бухгалтера, а Алекс пошел в дорогу американскую школу, где две трети предметов велись на английском. Главной особенностью поведения в школе был подчеркнутый индивидуализм, что после самозабвенной возни с дворовыми ровесниками в Сан-Хосе явилось для живого, общительного мальчишки неприятным открытием. Вместо того, чтобы беспечно отдаваться групповым интересам, он должен был всякий раз обосновывать и перед собой, и перед другими, почему ему нужно тем или другим за-

ниматься. Это порядком угнетало, и Алекс постепенно и произвольно выбрал для себя просто более закрытый и сдержанный стиль поведения. Компьютер и видик быстро стали его лучшими друзьями.

Глядя на регулярно читающих родителей, приохотился он и к книгам, причем больше к энциклопедиям отца, чем к детскому чтиву, что еще больше превратило его в маленького старичка, которому несомненно слишком ребяческие восторги и заботы сверстников. В десять лет с Алексом случилась новая переоценка ценностей: он набрел на «Робинзона Крузо», пять или шесть раз прочитал его и принялся всерьез готовиться к жизни на необитаемом острове: узнавал, что и как можно изготовить, что во что превратить, чтобы не повторять неуклюжих неумений простоватого Крузо.

Это его погружение в отцовские справочники и энциклопедии удивительным образом сказалось на его школьной учебе. Одно дело — запоминать что-то по чужому приказу, а другое — по своей охоте. Учеба пошла для него с некоторым опережением, когда все чаще получалось, что то, что рассказывали учителя, Алекс еще раньше успел почерпнуть из книг. Впрочем, в отличники от этого он не выбился. Самые интересные и предприимчивые ребята в их классе относились к категории «хулиганов и двоечников», от души презирающих зубрил-отличников. И, чтобы не относиться к последним, он сознательно стал получать заниженные отметки.

Родители его за это не сильно шпыняли, предпочитали давать сыну дополнительное образование по собственной системе: в доме по-английски говорили чаще, чем по-испански, во время семейных трапез звучала классическая музыка, по видуку смотрели самые отборные голливудские, европейские и японские фильмы, а мировая политика, география и история являлись едва ли не главной темой разговора на внутрисемейных трапезах. Причем все это происходило самым непринужденным образом: родители просто обменивались шутливыми репликами, а Алексу, чтобы понять их смысл, приходилось подолгу копаться в тех же справочниках и энциклопедиях.

Еще один поворотный момент произошел с Алексом в одиннадцать лет, когда отец подарил сыну маленькую безделушку: песочные часы, в которых песок пересыпался ровно за тридцать секунд. Исабель такой подарок-пустышку не одобрила:

— Ну и что выдающееся можно совершить за эти полминуты?

Карлос выкрутился с присущим ему блеском:

— Например, как Господь Бог создать нового человека. — Он взял ручку и за тридцать секунд нарисовал на листе бумаги веселого человечка со шляпой и тросточкой.

В тот же вечер, закрывшись у себя в комнате, Алекс наперегонки со струящимся песком принялся создавать свой мир. Песок неизменно побеждал, тогда Алекс ограничил себя человеческими ликами и укладываться в срок стало гораздо легче.

С той поры у него так и пошло: стоило случиться каким-либо неприятностям, как он доставал бумагу

и ручку и благодаря стремительным рисункам постепенно успокаивался и обретал чувство уверенности.

Вскоре успехи его в изображении лиц и человечков в целом стали столь очевидны, что какое-то время Алекс даже примеривал на себя плащ великого карикатуриста. Гонсалес-старший мог быть доволен: художественная жилка еще ни одному человеку не помешала. Лишь однажды он все же пристыдил сына за недостойные отметки. Тогда-то Алекс и выдал отцу свою школьную стратегию.

— Разве хорошие оценки стоят малоприятного имиджа?

— Ну наш парень и дает! — выразил чуть позже Карлос свои впечатления о сыне жене. — В его годы я, помню, плакал от обиды за каждую четверку, а этот сознательно не учит, чтобы получить тройку.

— А хорошо ли, что он подстраивается под этих аутсайдеров? — как всегда, усомнилась Исабель.

— Ну, во-первых, понятие аутсайдеров в их элитной школе весьма относительное. И потом, он заверил меня, что их мнение ему, в общем-то, не очень-то даже важно, просто нравится быть человеком-невидимкой, чтобы на него поменьше пялились.

— Ты не находишь такое поведение странным для его лет?

— Я и это спросил у него! — даже обрадовался ее вопросу Карлос. — Мол, почему он не хочет покруче утвердиться среди сверстников? И знаешь, что он мне ответил? Что его сверстники — это герои Дюма и Джека Лондона, а не эта шантрапа.

— А что он говорит про девочек?

— Увы, до этого глобального вопроса мы как-то не добрались.

Говоря, что мнение «хулиганов и двоечников» его не очень-то заботит, Алекс ничуть не привирал. Рано почувствовав над ними свое умственное превосходство, он вскоре добился среди сверстников и физического первенства. Его высокий рост, некоторая неуклюжесть движений и то надменное равнодушие, с которым он смотрел на их выходки, были прекрасным раздражителем для всех окружающих задиры, слишком легкой и лакомой добычей этот высокомерный «аргентинец» им казался. Однако стоило ему встать в бойцовскую стойку, как он тут же переставал быть беззащитной жертвой. Выставив далеко вперед левый кулак, он стремительно наносил разящий удар правой любому, кто изловчился поднырнуть под его левую руку. При этом сам всегда оставался вне пределов чужих кулаков. Так действовал любимице его отца мексиканский боксер-средневес Мартино, и Гонсалесу-младшему просто удавалось его хорошо копировать. И хотя все задиры вскоре выяснили, что Алекс никому не проигрывает драки один на один, всякий раз непременно отыскивался кто-то, чтобы померяться с ним ловкостью и бесстрашием. Вот и получалось, что, будучи человеком совершенно не агрессивным, он дрался гораздо чаще самых завязтых хулиганов.

Удивительно, но об этих «подвигах» долго ничего не знали ни родители, ни учителя. Глядя на его за-

думчивое тонкое лицо, никому из взрослых даже в голову не приходило, каким умелым кулачным бойцом в своей возрастной категории он является.

4

При переезде в Лимон Карлос не прекратил компаньонства и с сеньорой Селией, так и мотался еженедельно между двумя городами, что служило хорошим прикрытием для любых его сторонних встреч и поездок.

Поменяв на новом месте жительства две съемные квартиры, Гонсалесы выстроили себе и собственный дом. В отличие от первой показной виллы, это был весьма скромный особняк с шестью комнатами, подземным тиром и садом в три акра. Его скромность объяснялась желанием иметь лишь приходящую прислугу: кухарку-горничную и садовника, поддерживавшего сад и небольшой бассейн в идеальном состоянии.

Странность с подземным тиром объяснялась тем, что супруги Гонсалесы сразу же вступили в местный стрелковый клуб, куда входили многие предприниматели средней руки — все те, кому хотелось иметь в доме огнестрельное оружие на законных основаниях. Помимо собственно стрельбы на их сборищах часто обсуждалось, как именно вести себя в ситуациях, когда доведется эти пистолеты применить. Карлос придерживался самой миролюбивой точки зрения, говоря на каждом углу, что лучше самому получить физические травмы, чем стать виновником чужой смерти. Тем не менее однажды в лимонской вечерней газете была помещена короткая заметка следующего содержания: «Сегодня ночью в дом известного предпринимателя Карлоса Гонсалеса пытались проникнуть два грабителя. Оба с тяжелыми ранениями были доставлены в больницу. Ведется следствие».

И в глазах окружающих разом сложился весь пазл в отношении семейства «мастера Карлоса»: и некоторая их закрытость, и удивительная бытовая самостоятельность, и увлечение стрельбой. В заслугу было поставлено даже то, что супруги стреляли грабителям именно по конечностям, чтобы не нанести слишком тяжелые увечья.

Наибольшее количество лавров, как ни странно, досталось Алексу — в школе он стал настоящим героем, хотя и не скрывал, что ночную пальбу проспал: проснулся и спустился в холл, когда отец уже вызывал по телефону полицию и «скорую».

— А какие они, какие? Страшные? — с замиранием спрашивали окружающие двенадцатилетки.

— Откуда я знаю? Они на полу уже лежали. Кажется, среднего роста. Лет по двадцать—двадцать пять. У одного был пистолет, у другого нож.

— А твоя мама что делала?

— Перевязывала того, что с ножом был. Он плакал, говорил, что ему теперь руку ампутировали.

— А отец что?

— А папа ему говорит: «Ничего, у тебя еще другая рука есть».

— Ну у тебя папа и хохмач. Так ему и сказал?! А мама что, совсем не испугалась?

— Ее только потом сильно трясло, когда «скорая» уже уехала.

5

Все бы так, наверно, и катилось по намеченному графику: сбор никому не нужных секретных данных о Центральной Америке, выполнение разовых заданий мексиканского резидента, постоянная готовность к активным действиям при наступлении часа «Ч», даже раскрытие перед сыном семейной тайны в восемнадцать лет выглядело вполне запрограммированным, для чего Гонсалесы начали откладывать деньги на крейсерскую яхту, чтобы посреди океана сделать сыну сие признание. Но наступили приснопамятные Перестройка и Гласность. Поначалу Гонсалесы даже гордились ими: наконец-то Империя Зла показывает всем свое нормальное, не враждебное лицо. Однако год отшелкивался за годом, и у Карлоса возникало все больше тревоги:

— Ну нельзя же так уж перед американцами и Европой стелиться! Потом же самим стыдно будет.

Исабель не разделяла его страхов, всячески защищая «меченого генсека», мол, все это хорошо продуманная многоходовая стратегия. Но у Карлоса уже было с кем и без нее поговорить на эту тему. В их доме стал время от времени появляться Альберто, нелегал из Панамы, будучи торговцем офисной оргтехникой, он мог раскатывать по всей Перемычке, как они называли Центральную Америку, как угодно. Альберто прибыл из Москвы совсем недавно, поэтому знал массу таких совдеповских подробностей, которые не почерпнешь ни на каком CNN или BBC. Тонкий и прямой, больше похожий на англичанина, чем на латиноса, он был еще более Карлоса резок в суждениях о делах в Союзе.

— Боюсь, что повторяется февраль семнадцатого года. Только там дворянское быдло предало свою страну, а теперь наше хваленое политбюро предает.

Когда случилось ГКЧП, Альберто примчался к Гонсалесам среди ночи с радостной вестью:

— Наконец-то нашелся кто-то прекратить этот бардак!

Но два дня спустя уже не было несчастней его человека:

— Господи, ну что за придурки!! Трех трупов испугались!

И теперь уже Карлос утешал его:

— Ничего, зато москвичи оторвались за эти три дня по полной. Конечно, обидно, что они все решают за всю страну, но ведь так было всегда.

Катастрофу декабря девяносто первого года Альберто с Карлосом встретили чисто по-русски: отпустили прислугу, отправили Исабель с Алексом загорать на побережье, а сами закрылись в подземном тире, вдребадан напились и израсходовали почти тысячу патронов по мишеням-президентам.

Вскоре после этого в жизни Альберто и в жизни Гонсалесов наступило тревожное время. Регулярно поступали сведения уже не только о нелегалах-перебежчиках, но и о крупных чинах московских спецслужб, которые, ничего не боясь, чуть ли не на пресс-конференциях выдавали госсекреты.

Однажды Карлос даже услышал знакомую фамилию такого штабного разведчика и стал готовиться к своему возможному аресту здесь, в Коста-Рике. Но прошло месяца четыре, а его никто не арестовывал. Альберто объяснил это по-своему:

— А зачем американцам лишний раз суетиться? Ты же «спящий агент», большого вреда пока не приносишь, зато всегда под рукой, если понадобится обмен раскрытыми шпионами, — и, чуть подумав, добавил: — Подозреваю, что вы у них сейчас в качестве учебного пособия. Помню, в Москве мне тоже показывали такого «спящего» американца, чтобы я за ним просто походил, наблюдаю, как он ведет себя, чем выделяется, как старается на своей легальной службе. Полезная штука, между прочим.

Разумеется, такое предположение особой радости Гонсалесам не принесло. Навострив все свои интуитивные радары, Карлос и в самом деле вскоре заметил двух ошивавшихся вокруг него типов, которые вполне подходили на роль топунов-стажеров.

Самое удивительное, что как раз в это время в руки Гонсалесов попала действительно важная секретная информация. Одна из выстроенных Карлосом вилл принадлежала богатому техасцу Сайрусу Джонсу, с которым Гонсалесы настолько сдружились, что посылали к нему на ранчо Алекса на целый месяц, а сын Джонсов Чарли неделями не покидал Гонсалеса-младшего, когда техасцы приезжали поголливудить на свою лимонскую виллу.

И вот как-то в очередной свой приезд Джонсы пригласили чету Гонсалесов к себе на ужин вместе с еще одной американской семейной парой и неким Гарри, мрачным сорокалетним господином, по виду явным госслужащим. Сайрус сватал американцам Карлоса, как лучшего местного подрядчика и дизайнера по строительству вилл и особняков. Сам подрядчик, особо не чинясь, с готовностью показал свои интерьеры, которые всегда были у него с собой на представительской дискете.

Словом, вечеринка была как вечеринка. Три женщины щебетали о своем девичьем, четверо мужчин пили виски и играли в бридж. Игра перебивалась постоянными теленовостями о России и о политической ситуации 1992 года в Панаме.

Гарри, изрядно напившись, стал расспрашивать Карлоса о его отношении к российской перестройке. Карлос как мог насмешничал над страной льда и медведей. Гарри, чуть обидевшись на такое суждение, принялся с жаром ему рассказывать про Сталинград и Гагарина. Потом его настроение, как бывает у пьяных, снова поменялось, и он стал всячески ругать русских за их подозрительность и неповоротливость. Новая порция иронии Карлоса заставила Гарри выхватить из кармана рубашки дискету и для убедительности покругить ею:

— Вот здесь информация, которая может вернуть всю их жизнь, а они в русском посольстве даже отказались просмотреть ее у меня.

Они стояли на террасе второго этажа, обдуваемого вечерним бризом с Карибского моря.

— Там, наверно, план ядерной атаки Штатов на Россию, — предположил с ухмылкой Карлос.

— Нечто гораздо лучшее. — Гарри покачал пальцем в воздухе. — Да что ты знаешь, костариканец, про русское каннибальство. Когда они друг другу главный враг.

Если бы это произносил кто-либо из соотечественников, Карлос и ухом бы не повел, но из уст американца такие слова прозвучали как-то особенно обидно и оскорбительно. Он с балкона глянул во внутренний дворик, где находились хозяева и остальные гости. Исабель, словно он позвонил ей по сотовой связи, тотчас подняла голову. И, с улыбкой что-то сказав хозяйке дома, двинулась на выручку мужу.

— Пошли лучше в лежачее положение, — сказал Карлос Гарри.

— Ну пошли, — послушно согласился тот. Его сильно повело в сторону, и, если бы не крепкая рука подрядчика, он наверняка свалился бы на пол.

Исабель поднялась к ним, когда Карлос полуусаживал-полуукладывал американца на диван.

— Гарри, что же вы нас так бессовестно покинули, — укорила она, переключая на себя внимание пьянчужки, в то время как Карлос вполне бесцеремонно, словно так и надо, расстегнул у того карман рубашки и извлек оттуда дискету. — Вам надо взбодриться. — Исабель протянула Гарри свой стакан с соком.

Гарри понес какую-то околесицу, а Карлос под шумок удалился в детскую комнату, где у младшего Джонса стоял компьютер. Сорок секунд — и содержание дискеты Гарри перекочевало на представительскую дискету «мастера Карлоса». Еще минута — и ворованная дискета с вытертыми отпечатками пальцев снова в кармане у американца. Заметил ли пьянчуга такой наглый грабеж, Карлоса не слишком волновало — он мог объяснить его желанием заработать на этой дискете с тем же русским посольством.

— Ты сошел с ума, — говорила Исабель по дороге домой. — Ну кто так действует?! Кто? И вообще, все это похоже на большую подставу. Никто так на дурочку тайны не добывает.

Карлос молчал — он верил в везение и в тот счастливый случай, который один раз непременно выпадает всякому разведчику.

Недоверчивость жены еще больше возросла, когда она увидела на мониторе компьютера то, что они украли. Это был список агентов влияния, все сплошь российские фамилии, и номера их заграничных банковских счетов, на которые отправлены полученные ими гранты и бонусы с указанием чисел и сумм. Так что при сопоставлении фамилий с событиями, местом службы и размером денежных вливаний легко можно было докопаться, кто там и за что получил сию мзду. Сразу стала понятна и позиция Гарри: выдавая российских чиновников-предателей, он не

подставлял ни одного американца, разве что тех, кто находился под дипломатическим прикрытием и мог получить за эту утечку информации максимум выговор от своего начальства за халатность по службе. Задомно это была проверка на хваленый русский патриотизм: хватит ли у вас духа устроить свой российский полтергейст и разоблачить всех этих откровенных предателей?

— А может, это чистой воды провокация? — тут же усомнилась Исабель.

— Провокации так просто и убедительно не выглядят. — Карлос был полон самых нехороших предчувствий по поводу отсылки подобного сообщения в Москву.

Приехавший на следующий день Альберто полностью согласился с ним и добавил новых страхов:

— Это действительно бомба. Но она будет приведена в действие, только если найдется достаточно решительная группировка в самых верхах, которая захочет это использовать.

— Предлагаешь вообще не посылать? — Карлос не столько спрашивал Альберто, сколько хотел услышать больше вариантов для своих действий.

— Я так не сказал. Посылайте, а потом спокойно сидите и ждите отзыва на Родину для продолжения карьеры в Коми-Пермяцком автономном округе. — Слова вроде были и саркастические, но тон не оставлял сомнений в серьезности заезжего гостя.

— А ты поучаствовать не хочешь? — предложила Исабель.

Карлос смотрел на «панамца» тоже с пристальным вниманием.

— Почему бы и нет, — обаял обоих Гонсалесов лучезарной улыбкой Альберто. — Я тоже люблю Коми-Пермяцкий округ.

Решили сделать так: перегнать информацию на пять крошечных чипов, не читаемых обычными компьютерами. Один пошел в Москву по официальному каналу через посольство, три каждый взял себе, и пятый должен был быть запрятан в нейтральном месте, в котором его по точной наводке потом мог взять еще кто-то посторонний. После отправки первого чипа потянулись недели тревожного ожидания.

6

Происшествие с горе-грабителями повлияло на Алекса гораздо сильнее, чем он сам думал. Мир взрослых, который он считал унылым, ложноумным и узкоколейным вдруг открылся ему новой стороной: оказывается, и у стариканов бывают приключения не только в голливудских фильмах, а и в повседневной жизни. Блестящую деловую карьеру и зарабатывание больших денег он в счет не принимал — ведь в этом не больше доблести, чем в добывании школьных пятерок. А вот личная смелость в вооруженном поединке — это да, это действительно супер. Нет, своим родителям он нисколько не завидовал, просто теперь у него появилась точка отсчета для сравнения его собственных кулачных подвигов.

В тропических странах подростки созревают гораздо быстрее, чем в умеренном поясе. Не обошла игра гормонов стороной и Алекса. В свои наступившие увесистые тринадцать лет он уже успел влюбиться дважды. Пятнадцатилетняя Эстелла из старших классов была его заветной мечтой на протяжении целого полугодия. Но два года разницы постоянно ставили кавалера в неловкое положение, и уязвленное самолюбие в конце концов настолько взбунтовалось, что в один прекрасный день он без всякого видимого повода отправил недоступную пассию на свалку сердечных отходов. Сама Эстелла о его пламенном чувстве так и не успела узнать.

С двенадцатилетней Камиллой было проще, она жила по соседству и ходила в обычную, не американскую школу, но с ней возникли другие трудности. Во-первых, изо всех сил приходилось делать вид, что ему просто с ней интересно разговаривать и только, во-вторых, убедить в этом заодно всех случайных свидетелей, включая своих и ее родителей, в-третьих, в самом деле не сделать ничего опрометчивого, чего потом пришлось бы стыдиться. Родители никогда не говорили с ним о таких вещах, как благородное и неблагородное поведение, более того, частенько иронизировали над семейными ценностями в голливудских фильмах, тем не менее, представления о табу Алекс имел совершенно четкие.

Как ему приходилось напрягать собственную голову, чтобы просто придумать тему для продолжительного телефонного или очного разговора с Камиллой! Сколько лицедейства напускал он на себя, чтобы выглядеть перед ней предельно возвышенным и искренним, не имеющим ни одной задней мысли! Как одновременно хотелось и было боязно любого физического прикосновения! И сколько раз он ловил обращенные на них с Камиллой бесцеремонные взгляды взрослых, которые недвусмысленно говорили, что они прекрасно понимают все его скрытые желания и намерения. Но такова уж природа подростковых чувств, что они умеют игнорировать и прорываться сквозь любые оскорбительные обстоятельства.

Два раза уже удавалось Алексу заманить Камиллу к себе домой. Сначала для показа своего нового компьютера, к которому девчонка оказалась совершенно равнодушна, потом для тайного проникновения в подвальный тир, тоже не вызвавший у нее особых восторгов, и, наконец, сегодня он позвал ее для опробования подарка родителей на день рождения: дорогого фотоаппарата.

Это последнее приглашение неожиданно принесло полный успех. Польщенная тем, что ее хотят снять в самом красивом виде, Камилла с восторгом и доверием смотрела на своего кавалера. В комнатах развернуться особо было негде, и они поневоле переместились в сад. Родители отсутствовали, но в дальнем углу подстригал что-то старый садовник Гаспар да на террасе время от времени мелькала со щеткой служанка Хасмина. Однако, разыгравшимся подросткам это уже помешать не могло.

Алекс поменял в «Никоне» уже третью пленку, изображая из себя опытного фотомастера, даже пытался указывать Камилле, какие именно ей принимать позы.

— А теперь голову чуть набок и задумайся.

— О чем задумайся? — удивленно спрашивала юная гостья.

— Умножь в уме одиннадцать на одиннадцать, — тут же придумал он.

Камилла рассердилась.

— Алекс, я и на бумаге это не сосчитаю.

— Ну тогда десять на десять.

— Этого тоже нет в таблице умножения.

— Ну что, трудно к десяти ноль в уме прибавить?

— К десяти ноль прибавить? — Она на секунду задумалась. И Алекс успел сделать два снимка. — Ты надо мной издеваешься. Я больше не буду снижаться.

— Ничего умного больше не будет. Клянусь!

Малолетняя кокетка, надув губки, направилась к воротам. Алекс поспешил следом.

— Ну, Камилла, я же пошутил. Давай еще с цветком в волосах шелкну.

Она оглянулась.

— С каким цветком?

Кругом было полно цветущих кустов, но это все было не то. Камилла указала на декоративный прудик, который украшали три белые лилии:

— С тем хочу.

Алекс чуть замялся:

— Это любимые цветы мамы. Она не разрешает их рвать.

— Ну и оставайся здесь, а я пошла. — Камилла сделала нетерпеливое движение в сторону ворот.

— Хорошо, сейчас.

Он сбросил шорты и в плавках зашел в воду. Возле лилий ему было по пояс. Нагнувшись по шею к воде, он нащупал стебель цветка у самого корня. Руки натолкнулись на гладкий, ровный предмет. Напрягшись, Алекс вытащил из воды металлический, герметически закрытый ящик чуть больше дипломата. Поставил его на декоративную каменную горку посреди прудика и осмотрел, пытаясь догадаться, как он открывается.

— Что ты нашел? — девушку разбирало любопытство.

— Пиратские сокровища, что еще?

Она его шутки не приняла.

— Я же просила лилию. До свидания.

Не найдя, как открыть ящик, Алекс снова погрузил его в воду, быстро сорвал цветок и устремился за девушкой.

Они обогнули угол дома и оказались вне поля зрения садовника и служанки. Алекс нагнал Камиллу и протянул ей лилию.

— Ну вот и твой цветок.

Она великодушно приняла его.

— Уже темно совсем. Фото не получатся.

— А мы наверх, на террасу поднимемся, — нашелся Алекс. — На закате очень классно будет.

— Нет. В другой раз как-нибудь.